

БИТВА ЗА РОССИЮ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РУССКИЙ
ПУТЬ

ВЕКТОР,
ПРОГРАММА,
ВРАГИ

Битва за Россию

Сергей Кара-Мурза

**Русский путь. Вектор,
программа, враги**

«Алисторус»

2014

Кара-Мурза С. Г.

Русский путь. Вектор, программа, враги / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2014 — (Битва за Россию)

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – известный российский ученый, политолог и публицист, автор нескольких десятков произведений, в том числе ставших классикой российской политологии и социологии («Манипуляция сознанием», «Советская цивилизация» и др.). В своей новой книге С.Г. Кара-Мурза касается важных и актуальных для нашей страны вопросов: как создать государственную идеологию России, какие основные моменты должны быть в ней отражены, что подразумевается под «русским путем развития», какие черты политики, экономики, социальных отношений присущи России, в чем сходство и в чем отличие российской и западной цивилизаций. Отдельной темой проходит в книге борьба сторонников русской идеологии с либералами-западниками – последние, как доказывает автор, нанесли в свое время страшный удар по советской модели цивилизации, сохранявшей основы «русской матрицы», а теперь безжалостно уничтожают ростки возрождающегося русского национального сознания. Кара-Мурза называет этих воинствующих разрушителей «наследниками Троцкого», потому что подобно «демону революции» они готовы принести Россию в жертву «мировому прогрессу».

© Кара-Мурза С. Г., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Раздел I	5
«Шестидесятники»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Русский путь. Вектор, программа, враги

Раздел I

Русское общественное сознание и гуманитарная интеллигенция

«Шестидесятники»

Как сказал Г. Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания».

Политическое действие, которое приводит к какому-то сдвигу в общественных отношениях, – это «исторический факт». Это действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании группы людей. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Многие философы утверждают это в разных выражениях. Как подчеркивал один из ведущих социологов современности П. Бурдьё, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира».

Когнитивный бунт – это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Например, в настоящий момент большинство населения России не просто недовольны реальностью, но испытывают страдания. В 2011 г. Институт социологии РАН опубликовал большой доклад, подводящий итоги исследований восприятия реформы в массовом сознании – с начала реформ до настоящего момента. Большой раздел посвящен «социальному самочувствию» граждан, то есть состоянию их духовной сферы.

В докладе сказано: «Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнем с самого распространенного по частоте его переживания чувства **несправедливости всего происходящего вокруг**. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90 %), при этом 46 % испытывали его часто. На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространенностью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7—10 %. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах ее граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы*» [1].

Почему же у массы страдающих людей не возникает попытки организовать, чтобы совместно разобраться в причинах своей беды и вариантах действий для того, чтобы воздействовать на социальную действительность с целью ликвидации или хотя бы ослабления этих причин? Потому, что их когнитивная структура, т. е. весь инструментарий их мышления и «видения мира», сформированный в 1990-е гг., не изменился. После 2000 г. он совершенствовался всеми средствами, которыми располагали власть имущие, и сегодня охраняется средствами воздействия на массовое сознание. Пока что для этого достаточны экономические и культурные средства, сила применяется в небольших порциях. Признаков когнитивного бунта

пока нет, процесс обновления инструментов мышления требует времени и усилий всех социокультурных групп и, прежде всего, интеллигенции.

Одно из необходимых усилий – изучение уроков истории, и прежде всего истории близкой, лучше всего отечественной, которая творилась на нашей культурной почве. Здесь нам очень повезло – мы пережили катастрофу крушения советского строя (те, кому за 35). «Чем эпоха интересней для историка, тем для современников печальней». Как же был подготовлен тот когнитивный бунт, который обернулся тяжелейшим ударом по жизни большинства нашего населения? Кто и как подготовил то «известное состояние сознания», в котором люди равнодушно, или даже аплодируя, отдали свое национальное достояние ничтожному меньшинству, которое ничем его не заслужило?

Как известно, во время перестройки верхушка КПСС с помощью идеологической машины и используя «недоброжелательное инакомыслие» большей части интеллигенции, сумела разрушить ту «мировоззренческую матрицу», которая служила основой легитимности советского общественного строя и его политической системы (СССР). Для этого не требовалось, чтобы большинство населения заняло антисоветскую позицию, было достаточно, чтобы в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на существование СССР. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то организованные заинтересованные силы способны сменить социальный строй и политическую систему. А такие силы имелись и в стране, и за ее рубежами.

Сдвиг интеллигенции к идее перестройки экономики и перехода к частному предпринимательству происходил быстро и вопреки установкам основной массы населения. Это отражено в большом докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады «Есть мнение» (1990 г.) [110]. В общем, вывод авторов книги таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [110, с. 83].

Мы не можем сказать, какая доля интеллигенции была «носителями радикально-перестроечных идей», но можем утверждать, что эта часть была достаточна, чтобы подготовить и осуществить «когнитивный бунт, переворот в видении мира», необходимый для «политического бунта» 1991 г. Критическая масса интеллигенции обладала разнообразием, квалификацией и влиянием, чтобы выполнить свою миссию по подрыву легитимности СССР. Остальное было делом техники для партийно-государственной верхушки и ее внешних союзников.

Здесь мы не будем рассматривать структуру элиты советской интеллигенции, которая стала авангардом перестройки. Это большая тема, и ее сначала надо «переварить» по частям. Отмечу только, что все части этого авангарда выполняли важные функции, как разные рода войск в большой операции. Некоторые авторы выделяют ту или иную функцию как решающую¹. Но, скорее, победа была достигнута именно благодаря системности воздействия на сознание населения.

В принципе, более чем за полвека до перестройки Антонио Грамши весьма точно предсказал, какими средствами воздействия на сознание интеллигенция укрепляет или разрушает легитимность общественного строя (он использовал понятие *культурной гегемонии*). Но в наше время примерно о том же пишут современные культурологи и социологи, очевидцы и участники разрушения СССР. Отвлечемся от того, ликовали они при этом или страдали. Они оставили важные наблюдения.

¹ Например, важную роль в подтачивании легитимности СССР сыграли юмористы, начиная с конца 1950-х годов, с А. Райкина. Видный социолог Г.С. Батыгин (1951–2003) писал: «Риторика обновления в значительной степени основана на парадоксе и оксюмороне, легко преодолевавших бинарные оппозиции советской языковой системы, смехе, пародировании прецедентных текстов и рецитаций... Смех и парадокс, внедренные в социальный дискурс, разрушили легитимационные устои советского государственного устройства» [3, с. 41]. Это так, но разрушили, действуя как элемент системы.

Г.С. Батыгин дает такое общее определение: «Интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию “социального мифа”: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии селекции справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но, если альянс власти и интеллектуалов нарушен, происходит кризис легитимности и реформирование системы...»

Причины социальных трансформаций обычно усматриваются в противостоянии власти и народа. Принято ассоциировать “тоталитарную власть” с силами зла и репрессии, а “народ”, по определению, воплощает начала добродетели и справедливости. Вероятно, эта точка зрения основана на мистификации “власти” и “народа” и не объясняет кризисы легитимности, которые возникают внутри институтов власти и лишь затем мобилизуют “народные” социальные движения. Не исключено, что кризис легитимности коммунистического и посткоммунистического режимов в России связан преимущественно с позиционным конфликтом в дискурсивном сообществе, “новом классе”, который был классом пришедших к власти людей “литературного сословия” (*ordo literatorum*), идеократии, и участвовал в конституировании социальных порядков до конца 1980-х гг., когда альянс власти и интеллектуалов был разрушен» [3, с. 45]².

Примерно так же видит главную суть столкновения перестройки и «бархатных» революций П. Бурдьё. Он пишет: «Все заставляет предположить, что в действительности в основе изменений, случившихся недавно в России и других социалистических странах, лежит противостояние между держателями политического капитала в первом, а особенно во втором поколении, и держателями образовательного капитала, технократами и, главным образом, научными работниками или интеллектуалами, которые отчасти сами вышли из семей политической номенклатуры» (см. [4]).

Здесь, помимо того что указывается на роль интеллектуалов в выполнении основного объема работы по делегитимации советского строя, предлагается гипотеза о критическом значении *элиты* гуманитарной интеллигенции – той части «литературного сословия», которая стала уже сама *частью власти*. Речь идет не о чиновниках, а о руководителях СМИ, учреждений культуры и общественных наук, влиятельных советниках высшего эшелона партийной и государственной власти.

Один из ведущих советских марксистов и социологов Б.А. Грушин, в 1960-е гг. работавший в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма»³, писал в воспоминаниях: «Когда я вернулся из Праги, то обнаружил, что многие мои приятели по журналу (Амбарцумов, Арбатов, Жилин, Загладин, Фролов) пошли в большую политику. Из нашего круга, по-видимому, лишь мы с Мерабом (а потом Араб-Оглы) не сделали этого. И просто потому, что, как

² Здесь приводится много выдержек из работ Г.С. Батыгина (1951–2003). Это был умный человек с научным типом мышления. Он один из немногих социологов занимался изучением когнитивной платформы советского и постсоветского обществоведения. Кроме того, он был вхож в элиту этого сообщества, более того, во время перестройки занял антисоветскую позицию, и его суждения об этой элите нельзя назвать пристрастными. Он сказал в интервью: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, т. е. вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось. А сейчас есть огромные возможности – это величайшее благо» [30].

³ В группе работавших там гуманитариев в сентябре 2010 г. был показан по телевидению на канале «Культура» восьмисерийный фильм «Отдел (шестидесятники)», как сказано, «удивительным образом реконструирующий возрождение свободной философской мысли в советской России конца XX века». Пресса писала о фильме: «Люди, чьи имена делают честь нашей философской культуре, – Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Александр Пятигорский, Эвальд Ильенков, Эрих Соловьев, Карл Кантор, Юрий Левада, Борис Грушин предстанут в нем неожиданно крупным планом и в неожиданной полноте образа времени».

сказал однажды Мераб, мы никогда не были “шестидесятниками”, “родились немного раньше” и “никогда не участвовали в чужих войнах, ведя свои» [10].

Упомянутый здесь Мераб Константинович Мамардашвили, который в кругах либеральной интеллигенции считается крупнейшим советским философом и который работал в Праге в редакции этого журнала в 1961–1966 гг., говорил в интервью в 1988 г.: «Вскоре после 1956 г. можно было наблюдать сразу на многих идеологических постах появление совершенно новой, так сказать, плеяды людей, в то время сравнительно молодых, которые отличались прогрессивным умонастроением и определенными интеллигентными качествами. Ну, скажем, там были такие люди, как Вадим Загладин, Георгий Арбатов – это мои бывшие коллеги по Праге начала 60-х гг. Борис Грушин, Юрий Карякин, Геннадий Герасимов... Иван Фролов, Георгий Шахназаров, Евгений Амбарцумов. И всю эту плеяду людей собрал в свое время Румянцев Алексей Матвеевич. В последующем редактор “Правды”, а потом вице-президент Академии наук.

Многие из них – после Праги – пошли на важные идеологические посты. Возвращаясь, они практически все ... пополняли и расширяли так называемую интеллектуальную команду в политике и идеологии... Очевидно, все они участвуют сегодня в написании политических и других текстов в аппарате ЦК... Большинство из них ко времени Горбачева оставалось на своих постах. Они служили» [11]⁴.

Таким образом, в процессе перестройки, приведшей к краху СССР, нет и следа «народной революции» или тяжелого экономического кризиса, который бы толкнул трудящиеся массы на баррикады. Кризис был создан самой властью «новой формации», начавшей демонтаж советской хозяйственной системы в 1988 г., а годом позже – и политической системы.

Г.С. Батыгин указывает на этот важный факт: «Ни “крестьянские войны” и голод в деревне, ни массовые репрессии, ни низкий уровень жизни не поставили под вопрос существование коммунистического режима. Его крах стал следствием разрушения “социальной теории” и конфликта в дискурсивном сообществе в относительно стабильных политических и экономических обстоятельствах. Он был предуготовлен движением “шестидесятников” и вступил в критическую фазу в период “плюрализма мнений”, обозначенного атакой “докторальной публицистики”, которая стала играть роль альтернативного мозгового центра страны. Атака исходила от идеологических изданий, в числе которых был и теоретический орган ЦК КПСС журнал “Коммунист”. Реформирование “социальной теории” осуществлялось публицистами перестройки путем форсирования моральных требований правды, справедливости, подлинной демократии и свободы» [3, с. 58].

Здесь – важная и четкая формулировка того факта, на который в разных формах указывали многие авторы: крах СССР «предуготовлен движением “шестидесятников”». Но «шестидесятники» – это особая общность элитарных советских интеллигентов, принадлежащая к конкретному поколению. Оно сформировалось во второй половине 1950-х гг., во время «оттепели» Хрущева. Г. Павловский писал так: «Небольшая прослойка оппозиционно настроенной интеллигенции, условно именуемая “шестидесятниками”».

Элитарность этой прослойки определялась не социальным происхождением, а уровнем образования. Советские интеллигенты к 1950-м гг. осознали себя «благородным сословием», ответственным за судьбы России. Один из высших авторитетов советской философии М.К. Мамардашвили так описал типичный портрет шестидесятника в его развитии: «Нормальный опыт людей моего поколения, связанного с идеологией, такой жизненный путь, точкой отсчета

⁴ Интеллектуалы, которых приближали к власти, были людьми в некоторых отношениях отборными. Они были «идеологическим спецназом», а не учеными, ищущими истину. Г.С. Батыгин писал: «Советская интеллигенция в большинстве случаев стремилась в партию, но партия имела основания сторониться экстаического дионисийского начала в интеллигентском дискурсе, вполне резонно предполагая в нем разрушительные тенденции. Оставшаяся от сталинского партийного аппарата дисциплина “ордена” проводила жесткую границу между властью и интеллектуалами, и данное обстоятельство стало одним из механизмов разрушения режима» [3, с. 43].

которого были марксизм или социализм и вера в идеалы марксизма и социализма... И все они проходили этот путь, следуя той системе представлений и образов, что были завещаны революцией...

Значит, тот, кто проходил этот путь, осознавал себя, в отличие от консерваторов и догматиков, в терминах... порядочности и интеллигентской совести. И когда наступила хрущевская “оттепель”, то это было, конечно, их время. Для них это была эпоха интенсивной внутренней работы, размышлений над основами социализма, попыткой изобретения новых концепций, которые исправили бы его искажения и т. д. Например, они активно включились в разработку известной хрущевской программы о приближении коммунизма. Были буквально вдохновлены ею... Многие этим занимались. Появились такого рода люди в ЦК, в виде советников и референтов, в издательствах, газетах и т. д. Причем часто на ключевых позициях» [11]⁵.

А.Н. Яковлев писал в 2001 г.: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плевачуковым и социал-демократией бить по Ленину либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще» [44, с. 14].

Часть шестидесятников почти сразу сдвинулась к открытому инакомыслию, критическому по отношению к политической системе СССР – они стали *диссидентами*. Каковы масштабы этой прослойки, можно судить по оценкам самих участников протестов, которые вели исторические изыскания: «С 1965 г. в петициях, заявлениях, протестах приняло участие, по грубой оценке, около 1500 человек, в основном научная и творческая интеллигенция» (оценки Богораз Л. и др., 1991).

Тем не менее, директор Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) В.М. Воронков (сам поучаствовавший в «мягком» диссидентстве) пишет о шестидесятниках: «Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя» [5]. Численность – не главный фактор. Шестидесятники были «дрожжами», и в период мировоззренческого кризиса советского общества (1960–1990 гг.) снабжали дезориентированных этим кризисом людей идеями, языком, песнями и анекдотами.

Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» – издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции. В СССР индустрия «самиздата» расцвела в 1960-е гг., и к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов. В «точке бифуркации», в ситуации неустойчивого равновесия, диссиденты очень помогли анти-советским силам толкнуть процесс к гибели СССР (подробнее см. [6]).

В 1960-е гг. общность шестидесятников разделилась: одна ее часть, количественно небольшая, стала «диссидентами», начав открытую борьбу (в сфере сознания) с политической системой СССР, другая часть стала делать карьеру внутри политической системы, сра-

⁵ Уже в 1970-е годы интеллектуальная бригада Брежнева была укомплектована шестидесятниками. А.Н. Яковлев вспоминает: «Какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин, Суслов и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Шишлина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они “сбивают с толку” Брежнева, протаскивают ревизионистские мысли» [39, с. 377].

чиваясь с властью. Ведущие институты Секции общественных наук АН СССР в лице их ведущих сотрудников были напрямую связаны с ЦК КПСС. А.Н. Яковлев вспоминал о своей работе директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО): «Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК, выполнял разные поручения, готовил десятки справок (например, работники международного отдела ЦК очень любили перекладывать собственную работу на институты). Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось “большим доверием”. А те, кому “доверяли”, были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило “свой” текст, его авторы садились у телевизора и комментировали это театральное представление: «А вот этот кусок мой», “А вот эту чушь ты придумал”, “А теперь меня читает”. Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда» [39, с. 380].

Я бы сказал, тут проявилось не чувство юмора, а *ressentiment*.

В 1970-е гг. произошло размежевание шестидесятников с «почвенниками». В некоторой мере эти части воссоединились в ходе перестройки и образовали «интеллектуальную элиту» антисоветского режима, который установился в России.

Строго говоря, эта социокультурная группа уже в преддверии перестройки оторвалась от той общности, которую обозначали термином «русская интеллигенция». Перестройка и реформа (а точнее, мировоззренческий кризис с 1960-х гг.) изменили ценностную платформу этой «элиты», устранив из нее те нравственные ценности, которые и были отличительным признаком интеллигенции.

Вспомним историю самого понятия «интеллигенция». О.К. Степанова пишет об этом: «Интеллигенция... В нашей стране названное понятие было “запущено” еще в 70-е годы XIX в. популярным в то время писателем П. Боборыкиным... Понятие интеллигенции тогда и некоторое время спустя в России имело совершенно четкую духовно-политическую атрибутику – *просоциалистические взгляды*. Этот ее признак в начале XX в. для многих был еще достаточно очевиден... В межреволюционный период вопрос о судьбе интеллигенции ставился в зависимости от ее *отношения к капитализму*: критическое – сохраняло ее как общественный феномен, а лояльно-апологетическое – уничтожало. А вот сегодня отношение к социальной проблематике практически не упоминается среди возможных критериев принадлежности к интеллигенции» [7].

Пока неясно, может ли сохраниться при таком повороте сам феномен русской интеллигенции. Н. Бердяев считал критерием отнесения к интеллигенции «увлеченность идеями и готовность во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь», при этом речь шла о таких идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью». Если так, то статус интеллигенции сразу теряет та часть образованного слоя, которая в конце 1980-х гг. отвергла ценность справедливости и заняла лояльно-апологетическую позицию в отношении капитализма (причем даже не «окультуренного» европейского, а «реального» российского). Эту позицию заняла очень существенная часть, особенно в элитарных группах гуманитарной интеллигенции.

О.К. Степанова продолжает, уже конкретно относясь к интеллигенции периода после 1990 г.: «Антитезой “интеллигенции” в контексте оценки взаимоотношения личности и мира идей, в том числе – идей о лучшем социальном устройстве, являлось понятие “*мещанство*”. Об этом прямо писал П. Милюков [в “Вехах”]: “Интеллигенция, безусловно, отрицает мещанство; мещанство, безусловно, исключает интеллигенцию”...

Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась, во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, веду-

щего к отказу от духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала, в конечном итоге, парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского традиционализма в форме “пролетарского государства” – капиталистическому модернизму» [7].

Посвятив себя «втягиванию страны в зону абсолютного господства *золотого тельца*», элитарная часть той общности, которую обозначали словом «интеллигенция», совершила радикальный разрыв с этой общностью, что привело к ее дезинтеграции – «трудовая интеллигенция» пока что в новую общность собраться не может. Более того, «либеральная интеллигенция» в большинстве своем встроилась в новые общности «победителей» как идеологи, предприниматели, эксперты и управленцы. Они были интеллектуальным авангардом антисоветских сил и имеют право на свою долю трофеев.

В настоящее время многие идеологи антисоветских движений отрываются от своего участия в том мародерстве, который учинили в стране победители «демократической революции». Например, В.М. Воронков пишет: «В период перестройки на сцену выходят новые поколения. По мере радикализации движения роль “шестидесятников” постепенно уменьшается. И, во всяком случае, уже не они воспользовались плодами революции...» [5].

Что роль шестидесятников во время перестройки уменьшилась – не отвечает действительности. Практически вся интеллектуальная команда М. Горбачева и половина команды Б. Ельцина – из этой общности. Что шестидесятники и диссиденты не воспользовались плодами революции – мало кого волнует в России на фоне катастрофы. Да ведь это и неправда – большинство их очень даже воспользовались!

Зачем далеко ходить – сам В.М. Воронков всего-то занимался самиздатом и был осужден на 2 года условно, работал рядовым научным сотрудником в АН СССР, но как изменился его статус с победой революционеров! Он рассказывает в интервью: «В 1988 г. мы с единомышленниками организовали секцию исследований общественного движения при социологической ассоциации. А спустя два года я создал собственный институт. С тех пор я чувствую, что реализовал свою мечту о свободе» [8].

Создал собственный институт! Это, мол, при демократии каждому доступно, а не только бывшему диссиденту. На сайте этого института (ЦНСИ), расположенного в Санкт-Петербурге, читаем, на какие деньги создаются такие институты: «[В 1993 г.] благодаря кредитной помощи зарубежных коллег Центр стал собственником переоборудованной в офис четырехкомнатной жилой квартиры... В течение ряда лет ЦНСИ энергично развивался, получал все больше грантов от зарубежных фондов... С 2000 г. начинается третий этап развития Центра, что связано, прежде всего, с выделением Фондом Форда гранта на покупку нового помещения для ЦНСИ.

В 2001 г. от Фонда Дж. и К. Макартуров был получен первый в истории ЦНСИ грант на институциональное развитие института (с этого времени Центр получает существенную поддержку со стороны этого фонда). Институциональные гранты позволили Центру существенно обновить необходимую для работы инфраструктуру и сделать ее доступной для еще большего числа людей, дали ЦНСИ возможность расширить географию своей деятельности и внедрить новые формы работы с молодыми учеными, в первую очередь – образовательные.

Новые условия предоставляют возможности для дальнейшего развития Центра, проведения социологических исследований и подготовки нового поколения социологов. В настоящее время в Центре работает около 40 человек» [9].

Можно также понять, мечту о какой свободе смог реализовать ученый при таком финансировании. Как сообщает Интернет, он развивает новое направление социальной науки – «качественную социологию». Что это такое, В.М. Воронков поясняет корреспонденту газеты: «Сейчас, к примеру, власть стремится сохранить безусловный идеологический конструкт – победу в Великой Отечественной войне. И там огромное количество фальсификаций. Мы делали интервью в разных деревнях Смоленской и Новгородской областей, которые были окку-

пированы немцами. Оказывается, к гитлеровцам крестьяне относились лучше, чем к советским воинам. Опрошенные вспоминали, что самыми вредоносными были красные партизаны, которые реквизировали все запасы и требовали, чтоб им помогали» [8]. Да, для получения щедрых грантов от зарубежных фондов важно качество респондентов, а не их численность в населении.

Поражение СССР и последующие изменения всего жизнеустройства страны – это результат действия разных заинтересованных сил и групп, шестидесятники и диссиденты – очень важный, но небольшой элемент этой системы. Нельзя поэтому воспринимать, как это по инерции делают многие, результат перестройки как *буржуазную* контрреволюцию. Более того, на тропу войны против СССР шестидесятники вышли как восторженные романтики, пылающие коммунистическим энтузиазмом, – они хотели исправить наш «казарменный социализм». Потому-то к ним и потянулась молодежь, особенно студенты.

Надо отметить, прежде всего, *поэтичность* их протеста. Никакая разумная идея не «овладеет массами», если ее не будут сопровождать поэт и певец (а сейчас еще и клоун). «Семантика убеждает, эстетика соблазняет» (А. Моль). Эту синергическую систему советская власть расщепить не сумела – не имела она общественной науки в строгом смысле слова.

Г.С. Батыгин писал: «Формирование сословия советских интеллектуалов в 1960-е гг. было сопряжено с изменением стилистики публичного дискурса: люди “болели” стихами. В списках распространялись стихи А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Бродского. Знание стихов стало своеобразным паролем для доступа в интеллигентский круг. Страсть к стихам породила и первые выступления против власти. 29 июля 1958 г. в Москве был открыт памятник Маяковскому. Поэты читали стихи. Затем возникла спонтанные выступления, и чтения стихов стали происходить регулярно. Участниками встреч были преимущественно студенты. Когда власти попытались воспрепятствовать поэтическим сходкам, возникло сопротивление» [3, с. 56].

Сложнее понять ту революционную коммунистическую страсть, которая сплотила шестидесятников. Б. Окуджава пел: «Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», – и элитарная публика приходила в экстаз. Как из этой точки двигалось сознание советской интеллигенции и самого поэта к идеалам криминального капитализма? Этот феномен мы не скоро поймем, его хотя бы описать получше, пока живы многие свидетели.

Г.С. Батыгин фиксирует факт: «Нельзя не учитывать, что “оттепель”, обозначившая конфронтацию (пишущей) интеллигенции и бюрократизированной власти, сопровождалась взрывом коммунистической экзальтации. Троцкистская идея перманентной коммунистической революции стала основой антисталинского движения» [3, с. 81].

В другом месте он расширяет описание этого факта: «Основной мотив критической атаки на власть заключался в демонстрации ее несоответствия коммунистическим идеалам, утраты “ленинских” принципов и бюрократического перерождения. Искренней одухотворенностью и яркостью публицистической риторики интеллектуальная атака 1960-х гг. напоминала ликвидированную из исторической памяти атаку троцкистской оппозиции. Как и в 1920-е годы, акцентировалось соответствие институциональных порядков принципам революционной морали – честности, бескорыстия, идейности. Предполагалось, что само слово правды преодолевает идейный и нравственный коллапс советского режима» [3, с. 55].

Это был сложный и мощный порыв – его удалось подавить, но он оборотился в нечто еще более разрушительное и к тому же мерзкое. Ведь большинство тех, кто причисляет себя к «шестидесятникам», постепенно, шаг за шагом сдвинулись к антисоветской позиции. Более того, в конце 1970-х гг. у них стали проявляться прозападные установки, причем именно в контексте холодной войны Запада против СССР. Они все больше и больше становились в этой войне «союзниками Запада». К концу перестройки это стало обязательным для «про-

грессивного интеллигента». Г.С. Батыгин пишет: «Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной “элитности” в 1990-е годы являлась “признанность на Западе”, и сама позиция репрезентанта “западных» ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе»[3, с. 13].

Повторю: какое несчастье, что в СССР и сейчас не созрели условия для научного обществоведения, которое могло бы исследовать это явление, видимо, неизбежно сопровождающее любой проект создания общества уравнительной справедливости. Ведь через 15 лет таким же разрушительным оказался коммунистический фундаментализм польской «Солидарности». Рабочие и интеллигенция, требовавшие «большей уравнительности», своими руками прервали мягкую социалистическую модернизацию и вручили Польшу примитивному местечковому капитализму.

Отметим еще одно свойство наших гуманитариев-шестидесятников (впрочем, не только наших, но и многих ренегатов из европейских коммунистов) – их заверения в том, что в молодости они были искренними и даже пылкими сторонниками идеи равенства и справедливости. И это говорят пожилые люди с нежностью и уважением к самим себе. К чему это обнажение души? Что за излияния и признания в любви к идее, которой они изменили и которую убивают, иногда с садизмом? Они хотят, чтобы их пожалели люди, на которых они обрушили бедствие?

Вот Булат Окуджава: «Мои родители, которых я так любил и люблю, – они были фанатичными большевиками... Я ведь сам был “сталинистом”, несмотря на то, что у меня репрессировали родителей... Такое было время. В том-то и драма». Ах, какая драма – перешел на сторону врага. Ну, перешел – так молчи или хотя бы скажи: мол, с возрастом я понял, как индоктринировали меня, ребенка, проклятые большевики.

Тут же и Е. Евтушенко, другой кумир шестидесятников: «Я ходил вместе с мамой и отцом на демонстрации и просил отца приподнять меня повыше. Я хотел увидеть Сталина. И я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым выпала честь подносить букеты цветов Сталину» (см. [5, с. 175])⁶.

Может быть, этими своими нормальными детскими представлениями они оправдывают свой выбор в зрелом возрасте – ненавидеть советский строй и в то же время пристроиться в идеологическую элиту советской власти? Но это слишком наивно. Лучше бы они сказали, когда и какой голос свыше им был, чтобы порвать духовную нить со своими любимыми родителями? Какое озарение к ним пришло, из какого источника? Объяснения если и бывают, то нелепые.

В.М. Воронков, из «молодых» диссидентов, описывает свою перверсию («переворачивание») так: «Я был “правоверный” советский комсомолец, хотя и слушал западное радио. В июле 1968 г. поехал в Чехословакию. Я мало что понимал, но в Чехословакии стал читать их газеты. Мне импонировал социализм с человеческим лицом... Мне казалось, вот-вот СССР станет перенимать чешский опыт. За день до ввода войск я выехал из Чехословакии, остановился во Львове... Включил приемник, помню, нашел волну ВВС и услышал, что “советские войска вошли в Чехословакию”. Я был настолько потрясен, что рыдал... Вернулся в Ригу. Написал статью в университетскую газету, которая называлась “Чехословакия. Август 1968”, где обрисовал, как хорошо и замечательно было в Чехословакии и жаль, что советский народ этого не знает... Больше всего тогда впечатлило, что все мои друзья, критически относящиеся к власти, поддержали ввод войск в Чехословакию» [8].

⁶ Разумеется, есть и исключения: А.А. Зиновьев рассказывает, как в юности готовил покушение на Сталина, а теперь, после гибели СССР, считает советский строй высшим достижением человечества. Он, как философ, все время старался «изменить мир». М.К. Мамардашвили, напротив, представляет себя снобом и аристократом, который и не собирается что-то «улучшать». Он якобы всегда считал СССР «черной дырой» и явился на землю как «шпион» – наблюдать, как копошатся человечки в Евразии, и думать о вечном. Как философ, он вступил в КПСС и не удосужился из нее выйти в 1989 г., потому что это – суета, на которую не следует тратить мысли и дела («Партийность была чем-то вроде социального страхования. Поэтому я и вступил в партию»).

И это в 22 года, хотя все его друзья-диссиденты поддержали ввод войск в Чехословакию. Даже сами чехи в массе своей быстро успокоились и еще в течение 20 лет нормально жили и развивались, а он – навсегда возненавидел СССР. Как он разглядел в Дубчеке «социализм с человеческим лицом»? Ведь тогда мало кто не понимал, что вся эта ахинея о социализме и о человеческом лице – для наивных дамочек, суть в том, что пытались вырвать ЧССР из Варшавского договора и разрушить центр системы ПВО, что для СССР было неприемлемо. Но даже если в 22 года советский комсомолец еще не мог этого понять, то уж сегодня-то повторять эти байки – каково? Ведь после 1989 г., когда деятели «пражской весны» выявили свою суть, никто из их почитателей не признал, что тогда, в 1968 г., он ошибался. Дубчек вовсе не был «коммунистом-романтиком». После 1989 г. он сидел во главе парламента и штамповал все антисоциалистические законы.

Вторжение в ЧССР сплотило «шестидесятников» как антисоветскую силу. Недаром в перестройке так активны были общественеды, исключенные из КПСС в 1968 г. за то, что писали письма с протестами. Кстати, эти исключенные из КПСС интеллектуалы составляли вроде бы опальную, но привилегированную касту; интеллектуальная бригада власти как бы говорила им: «Ребята, мы с вами, но это пока секрет, погодите чуток». Конечно, вторжение было не причиной их поворота к измене в холодной войне, а лишь удобным поводом, моральным прикрытием. В мемуарах западных лидеров еврокоммунизма это говорится открыто: к 1968 г. «развод» с СССР уже назрел, а вторжение лишь сделало этот развод более скандальным – возникла возможность устроить истерику.

Как же формировалось сознание советских людей на последнем этапе существования СССР? После войны общественеды (включая гуманитариев) получили доступ к огромной аудитории. Причем доступ непосредственный, с воздействием через личное устное общение – очень важный канал убеждения и внушения, помимо печатного слова, кино, радио и телевидения. Помимо вузов, техникумов и школ, где преподавались предметы, насыщенные идеологией, была развернута широкая сеть политического просвещения. В 1947 г. в СССР действовало 60 тыс. политшкол, где обучалось 800 тыс. человек, в 1948 г. уже 122 тыс. политшкол с 1,5 млн слушателей [3].

Огромная армия преподавателей общественных наук и журналистов представляла собой профессиональное сообщество, которое было воспитано и «наполнено» идеологическими штампами и стереотипами, выработанными *элитой* этого сообщества – авторитетными философами, экономистами, социологами и пр. Поддержку им оказывали «деятели культуры», воспитанные и отобранные чиновниками из числа той же элиты⁷.

Но каковы были установки этой элиты, имея в виду ту ее часть, которая не была открыто диссидентской или даже «приемлемо вольнодумной»? Ведь эти установки, даже если они прямо не проговариваются, передаются слушателям и студентам. Долго сопротивляться тому, что слышишь с кафедры или с амвона, человек не может – сил не хватит (кучка бунтарей не в счет, их мягко отсеивали, отодвигая от возможности «когнитивного бунта»).

⁷ То, что некоторым писателям и бардам пришлось работать в системе «самиздата» или разъезжать с концертами по вузам и НИИ, ничего не меняло, у них были высокие покровители, без одобрения которых не было бы ни песен Высоцкого с Окуджавой, ни шуток Жванецкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.